

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ XXI в.: ПОЗИЦИИ США И КНР

Святослав Витковский

К середине XX в., когда почти распались колониальные империи Великобритании и Франции, а на политической карте мира появилось множество новых государств, имперская идея пришла в упадок. Ее сменили концепции глобального идеологического доминирования — основной задачей противостоявших военно-политических блоков в годы «холодной войны» стало создание цепи идеологически родственных государств, суммарный экономический и политический вес которых превосходил бы возможности враждебной стороны. И лишь на рубеже столетий феномен империи вновь стал предметом широкого обсуждения. Для этого было несколько основных причин. Прежде всего, в условиях постбиполярного мира империя рассматривалась многими как сила, способная противостоять глобальному политическому хаосу. Во-вторых, после завершения «холодной войны» США приступили к поиску новой политической идентичности, тем самым поспособствовав началу широкой международной полемики относительно своей новой роли в мире. И, наконец, в-третьих, эта полемика получила продолжение в начале 2000-х гг., когда очевидным стал рост новых центров геополитического влияния в Азии и Латинской Америке. Соответственно, вопрос о том, могут ли США называться современной империей, вскоре дополнился вопросом о критериях имперского статуса как такового.

Цель данной статьи заключается в выявлении основных типологических характеристик современной империи и степени соответствия им двух наиболее влиятельных государств современности — США и КНР. Этот вопрос получил в последнее время широкое освещение в научной литературе, особенно американской, что можно связать с особенностями внешней политики США в начале нынешнего столетия. Китай, ввиду впечатляющих экономических достижений и возросших возможностей в сфере международной политики, также рассматривается некоторыми учеными как претендент на роль империи. В числе исследователей, уделивших внимание этим вопросам, можно назвать Ф. Бергстена [21], И. Фунабаси [23], Р. Кейгана [26; 27], Дж. Ная [28], Ф. Закария [30; 31], а также китайских ученых Ц. Лю [8] и К. Чжай [15]. Среди авторов из стран СНГ выделим белорусского эксперта в области военной политики США А. Розанова [11], а также российских исследователей М. Давыдова [5], Э. Лебедеву [7], С. Труш [14] и Т. Шаклеину [16; 17].

Основные черты империи, по мнению автора, можно охарактеризовать следующим образом.

1. Современный экспансионизм не может иметь в качестве обоснования абсолютистские прихоти более сильного игрока на международной арене — он должен пройти через процедуру легитимации. Только в этом случае он может быть признан законной частью сложившегося миропорядка. Легитимность же в значительной степени связана с деятельностью международных институтов, которые по своему изначальному замыслу призваны гарантировать более справедливый миропорядок. Соответственно, чем больше влияние того или иного государства на процесс принятия решений в рамках международных институтов, тем выше его шансы легитимировать выгодные ему международные реалии.

2. Успешная модель хозяйствования всегда занимала важное место в перечне факторов, способствовавших возвышению страны. Однако в случае старых империй она распространялась лишь на титульную нацию, на занимаемые ей территории. Всем присоединенным землям вменялась обслуживающая функция: они должны были поставлять сырье и поглощать излишки произведенной «ядром» продукции. Это, конечно же, не исключало усилий центральных властей по модернизации и развитию периферии, но делалось это для того, чтобы создать лучшие условия для добычи ресурсов и их транспортировки, а также для стимулирования торговли. Сегодня ключ к международному влиянию — не в экономической эксплуатации народов, а в принятии ими выгодной новым гегемонам экономической модели.

3. Обладание знанием — важнейшая составляющая успеха в области политической деятельности, торговли, дипломатии. Однако в прошлом столетии статус информации как основы всякой деятельности значительно повысился: рост телекоммуникаций вывел ее за узкие элитарные рамки, сделав средством массового воздействия. И, соответственно, государство, способное влиять на содержание глобальных информационных потоков, имеет возможность распространять собственные культурные модели. Тем самым оно оказывает косвенное влияние на общественные процессы в других странах. Тем не менее, важно не только влиять на информационные потоки, но также и создавать те культурные модели, которые могут оказать непосредственное влияние на умонастроения людей.

Автор:

Витковский Святослав Мечиславович — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бобков Владимир Андреевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий сектором социально-экономических исследований Института экономики НАН Беларуси
Тихомиров Александр Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Таким образом, современный экспансионизм — институциональный, экономический, информационный. Таковы и основные критерии современной империи. Насколько соответствуют им Соединенные Штаты Америки?

В 1990-х гг. в международном научном сообществе разгорелась яростная дискуссия о новом миропорядке, приходившем на смену распавшейся биполярной системе международных отношений. Причем особенную активность в начавшейся полемике проявили американские исследователи. Как писали Ф. Фукуяма [22] и С. Хантингтон [25], новый мир должен был основываться на принятии большинством стран философовско-идеологической концепции западного либерализма, важнейшим гарантом которой полагались США. Западная же цивилизация, краеугольным камнем которой также провозглашались Соединенные Штаты, объявлялась наиболее вероятной претенденткой на то, чтобы стать прообразом будущей универсальной цивилизации. Данная точка зрения подтверждалась эффективностью западной экономической модели; тем, что она служит основой для деятельности многочисленных международных институций и помогает многим странам находить выход из экономического тупика.

Эти взгляды нашли отражение и в «доктрине Клинтона—Олбрайт», общие контуры которой были намечены уже в начальный период нахождения у власти 42-го Президента Соединенных Штатов Б. Клинтона. Идеалистическое видение США своей роли в мире, их мессианские побуждения отразились в доктринально закрепленном стремлении участвовать в урегулировании международных конфликтов, препятствовать распространению оружия массового уничтожения, влиять на деятельность основных международных организаций и содействовать развитию международной торговли [16; 17].

Победа на президентских выборах 2000 г. кандидата от Республиканской партии Дж. Буша-младшего изначально не предвещала кардинальных изменений во внешней политике США. Новая администрация не имела четкой внешнеполитической программы и планировала развивать положения «доктрины Клинтона—Олбрайт». Однако трагические события 11 сентября 2001 г. коренным образом изменили положение дел: политическая элита осознала, что на пути к американоцентричному миру необходимо преодолеть множество препятствий, и международный терроризм представлялся труднейшим из них. Таким образом, администрация, вовсе не имевшая четкой внешнеполитической стратегии, в одночасье оказалась «с миссией в руках» [17]. Последовавшие за этим военные кампании в Афганистане и Ираке дискредитировали идею *Pax Americana*. Неоконсервативные установки во внешней политике не оправдали себя, что подтвердили итоги выборов 2008 г., на которых победу одержал представитель Демократической партии Б. Обама. Новый лидер указал на необходимость проведения более умеренного внешнеполитического курса, хотя концепция внешней политики США осталась неизменной, поскольку гармонирует с характерным для этой страны видением мира и собственной роли в нем. Все это дает основание утверждать, что США достигли

соответствия одному из указанных выше критериев современной империи уже в начале 1990-х гг., когда приобрели завершенную имперскую идею глобального порядка, соответствующий ей набор политических и экономических инструментов.

Говоря об институциональных возможностях США, прежде всего необходимо обратить внимание на эволюцию отношений между Вашингтоном и Североатлантическим альянсом. Они могут послужить иллюстрацией к тезису о росте институционального могущества Соединенных Штатов после завершения «холодной войны». Об этом свидетельствовал уже первый наиболее интенсивный региональный конфликт эпохи развала биполярной системы — события в Персидском заливе 1990—1991 гг., когда очевидным стало усиление роли НАТО как основной военно-политической организации стран Запада [13]. В 1991 г. была принята Стратегическая концепция, которая акцентировала внимание на необходимости превращения НАТО в организацию коллективной безопасности, чей потенциал может быть использован в урегулировании локальных конфликтов. Это непосредственным образом связывало ее с уже упоминавшейся «доктриной Клинтона—Олбрайт», в которой немалое внимание уделено участию Соединенных Штатов в урегулировании региональных конфликтов. В документах Североатлантического альянса за 1993 г. фигурирует предложенный американцами тезис об отсутствии различий между понятиями «поддержание мира» и «силовое умиротворение» [13]. В 1999 г., по итогам очередного саммита НАТО, была принята Вашингтонская декларация, в которой не только закреплена миротворческая функция альянса, но также обозначено его стремление к распространению и поддержанию демократии, прав человека и политических свобод в глобальном масштабе [1]. После сентября 2001 г., во многом при поддержке США, желавших создать международную антитеррористическую коалицию, был ускорен процесс присоединения к блоку стран Центральной и Восточной Европы. В 2003 г. НАТО приняла на себя руководство Международными силами по поддержанию безопасности в Афганистане, с 2004 г. проводит миссию по подготовке сил безопасности Ирака.

В общем связь между эволюцией внешнеполитических концепций США и реформированием блока НАТО после окончания «холодной войны» очевидна. Разумеется, не стоит абсолютизировать ее, поскольку существовали серьезные разногласия между европейскими и североамериканскими членами организации, что вынуждало искать компромиссные решения. Однако Вашингтон сохраняет высокий уровень влияния на все процессы в рамках Североатлантического альянса и эффективно взаимодействует с Канадой и европейскими партнерами, что свидетельствует, помимо всего прочего, о его высокой способности адаптироваться к меняющимся условиям международной жизни.

Еще одним подтверждением высокого влияния Вашингтона на деятельность международных институтов выступает взаимодействие с такой региональной организацией, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Об этом свидетельствует насыщенная повестка дня. В нее

входят не только аспекты региональной торговли, но и вопросы системного характера, такие как создание и укрепление единого рынка стран АСЕАН, налаживание регионального механизма по борьбе с терроризмом, выработка согласованной позиции по основным вопросам международной политики, координация усилий в военно-политической сфере [4, с. 50–51].

Влияние США на информационную картину мира также весьма велико. Мощный технический потенциал вкупе со стремлением к инновационным методам подачи информации позволяет американским СМИ и сетевым ресурсам задавать международные стандарты в данной области. Как отмечают сами американцы, немалую роль играет также то, что в США существует эффективная система «рыночной цензуры», даже более действенная, нежели классическая государственная цензура. Она помогает при формировании цельной картины мира, предлагаемой для интеллектуального усвоения как гражданам США, так и международной аудитории. Не стоит забывать и о том, что американским средствам массовой информации присуще, и это признается в самих Соединенных Штатах, упрощенное видение существующей действительности. Особенно явно это проявилось после начала «войны против терроризма» в 2001 г. С одной стороны, данная черта создает у многих впечатление тенденциозности в освещении событий, с другой же — такое упрощенное видение порой легче принимается аудиторией [29].

Из всего вышесказанного можно сделать два основных вывода. Во-первых, важнейшей чертой современной империи является инновационный характер развития, поскольку без этого невозможно поддерживать высокий уровень экономической эффективности, как и сохранять лидирующие позиции в сфере информационных технологий. Во-вторых, Соединенные Штаты вполне соответствуют приведенным выше критериям современной империи. Более того, делая ставку на инновационное развитие, они задают эталонные показатели, достижение которых необходимо для того, чтобы претендовать на статус современной империи. И в ближайшем будущем они, скорее всего, сохраняют этот привилегированный статус. Тем не менее, на рубеже XX–XXI вв. усилились позиции тех исследователей, которые полагают, что уже в ближайшем будущем серьезную конкуренцию США в борьбе за статус ведущей державы мира составит Китайская Народная Республика [3–5].

За последние 30 лет КНР прошла большой путь реформ, превратившись из отсталой аграрной страны в одну из наиболее динамичных держав планеты. Несмотря на это, «китайская модель развития» вызывает множество критических замечаний. В частности, общим местом критики в адрес КНР стало утверждение, что ее политическое развитие существенно отстает от экономического. Стремясь стать одним из ключевых элементов глобальной экономической системы, страна не проявляет готовности сделать свое общество по-настоящему открытым. А без этого подлинное включение в глобальное пространство, переплетающее все сферы общественной жизни и делающее невозмож-

ной всякую автаркию, представляется маловероятным. В таком ключе развивается критика «китайской модели» со стороны западных стран. Что же касается стран авторитарного толка, то в них Китай, по крайней мере на официальном уровне, характеризуется исключительно положительно: для политических элит этих стран Китай выступает в качестве примера, доказывающего, что добиться экономических успехов можно и без глубоких политических преобразований [2, с. 64].

Итак, у КНР есть собственная уникальная модель развития, которая пользуется определенной популярностью в развивающихся странах — точнее, среди авторитарных правителей этих государств. Это не означает, что Китай соответствует одному из вышеуказанных критериев современной империи, поскольку китайский опыт экономического строительства слишком специфичен и едва ли может быть применен за пределами Восточной Азии. В будущем вряд ли что-нибудь изменится, ведь руководство Китая занято национальным, а не имперским строительством, что очередной раз было подтверждено XVII съездом Коммунистической партии Китая, прошедшим осенью 2007 г. По большей части на нем обсуждались вопросы внутреннего характера. Делегаты обозначили стремление КНР к гармоничному развитию, указали на неотложность в решении социальных и экологических проблем. Немало было сказано и о планах КНР на будущее — в частности, о дальнейшем развитии инфраструктуры, необходимости существенно увеличить ВВП страны к 2020 г., о дальнейших усилиях по построению «общества средней зажиточности» [9]. Внешнеполитическая же проблематика была отодвинута на второй план. В докладе Председателя КНР Ху Цзиньтао отмечалось, что Китай будет стремиться к гармонизации своей внешней политики и ровным отношениям со всеми странами мира. Поднебесная будет и дальше идти по пути «мирного развития» и улаживать все разногласия мирным путем. Единственным внешнеполитическим новшеством можно считать более активную культурную политику, ориентированную на продвижение китайского языка за рубежом [9].

Вместе с тем, уровень влияния Китая на деятельность международных организаций остается невысоким, несмотря на его существенно возросшие возможности за последние 30 лет. Объясняется это следующими причинами. Во-первых, будучи прагматичной страной, Китай осознает, что достичь конкретных результатов в актуальных для него сферах энергетики, международной торговли и инвестиций гораздо проще с помощью двусторонних переговоров, нежели путем сложного маневрирования в международных организациях. Во-вторых, указанные сферы интересов определяют и весьма узкий перечень организаций, которым Китай уделяет внимание. Прежде всего, это институты, посредством которых можно наладить партнерские отношения с поставщиками энергоресурсов, а также увеличить экспорт китайских товаров. В качестве примеров упомянем Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), АСЕАН, а также Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Африканский союз (АС).

Хотя цели деятельности первой из этих организаций напрямую не связаны с проблемами добычи и транспортировки углеводородного сырья, все же она содействует развитию доверительных отношений между Пекином и среднеазиатскими странами. Это, в свою очередь, служит основой для установления контактов в области энергетики. Важнейшими партнерами Китая в регионе выступают Казахстан и Туркменистан. В 2005 г. КНР купила за 4,5 млрд дол. США казахстанскую нефтяную компанию «Petrokazakhstan». В том же году был торжественно открыт нефтепровод «Атасу–Алашанкоу» с целью поставок в КНР до 200 тыс. баррелей сырой нефти в день. Помимо этого, странами ведется совместное строительство газопровода, предназначенного для поставок «голубого топлива» в Китай. Пекин также активно субсидирует региональные державы. Кыргызстан и Таджикистан получили в 2005 г. кредиты в размере около 5 млрд дол. США [6]. Туркменистан получает китайские субсидии на строительство трубопровода, который в будущем планируется связать с газораспределительной системой Казахстана. Наконец, в 2005 г. власти Китая выдвинули инициативу о создании единой для всех стран ШОС газораспределительной системы [19, р. 203]. Таким образом, активность Китая в регионе существенно возросла после создания организации в 2001 г. Конечно же, не стоит сводить ее роль к обеспечению энергетического диалога между Пекином и среднеазиатскими государствами, поскольку немалую роль в ее деятельности играет и фактор безопасности: в рамках ШОС проводятся совместные военные и антитеррористические учения. Организация помогает Китаю поддерживать позитивный имидж в глазах российской политической элиты, нивелируя трения в отношениях с Российской Федерацией.

Не меньшее внимание уделяет КНР развитию совместных проектов с АСЕАН. На сегодняшний день среднегодовой рост торговли между Китаем и странами – членами организации составляет приблизительно 20 %. Ассоциация находится на четвертом месте среди торговых партнеров Китая, после США, Японии и Евросоюза. В ноябре 2002 г. правительство КНР подписало со странами АСЕАН рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве, которое предусматривает, помимо всего прочего, создание уже к 2010 г. свободной экономической зоны [2, с. 65]. Высокую активность Пекин проявляет также в рамках форума «АСЕАН плюс три», цель которого – развитие контактов между странами организации и тремя наиболее успешными государствами Восточной Азии: Китаем, Южной Кореей, Японией.

Одним из приоритетных направлений внешнеэкономической деятельности КНР остается укрепление торговых связей со странами АТЭС – крупнейшего в мире экономического форума, в деятельности которого принимают участие более 20 национальных экономик, обеспечивающих около 54 % глобального ВВП и 44 % объема мировой торговли [18]. О важности этого вектора сотрудничества свидетельствует то, что на страны АТЭС приходится более 70 % внешнеторгового оборота Китая [10]. Этим объясняется активная позиция Пекина

в вопросе о либерализации торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создании новых свободных экономических зон. Из политических целей, преследуемых руководством КНР в рамках форума, можно отметить лишь сближение с Китайской Республикой (Тайванем) на основе общих экономических интересов, а также создание позитивного имиджа Китая в глазах партнеров из Юго-Восточной Азии ради дальнейшего политического сотрудничества.

Еще одним примером прагматической направленности внешней политики КНР может служить ее взаимодействие с Африканским союзом. Хотя китайские чиновники подчеркивают общность интересов африканских стран и Китая на международной арене, исходя из их общей принадлежности к числу развивающихся государств [12], все же КНР руководствуется в своей деятельности не столько соображениями политической солидарности, сколько экономическими нуждами [7, с. 93]. Страны континента важны для Китая как перспективные поставщики углеводородного сырья и потребители производимой в Поднебесной массовой продукции: товары китайского производства доминируют на африканских национальных рынках, особенно в их дешевом и среднем сегментах. Товарооборот между Китаем и странами континента составляет сегодня около 40 млрд дол. США, ежегодно увеличиваясь на 50–60 %. Активно развиваются совместные энергетические проекты с такими странами, как Габон, Судан и Ангола [2, с. 66].

В-третьих, как полагают некоторые исследователи, Китай сознательно дистанцируется от организаций, за основу деятельности которых приняты западные, в частности американские, экономические и социально-политические стандарты. Даже в рамках Всемирной торговой организации КНР проявляет ограниченную активность – ту, которая необходима для достижения целей сугубо прагматических, национально значимых. Такое сознательное отмежевание от деятельности ведущих финансово-экономических институтов мира расценивается также как показатель того, что в будущем КНР, не согласная с существующей международной институциональной системой, может использовать свой растущий потенциал для создания новой системы, которая в большей степени отвечает ее видению мира [20, р. 197]. По мнению автора статьи, это не совсем корректное утверждение. Сегодняшнее поведение Китая в рамках международных организаций вполне вписывается в концепцию Дэн Сяопина о «мирном развитии», принятую на рубеже 70–80-х гг. прошлого века. Сознывая, что активная позиция по всем основным, и даже второстепенным, вопросам международной политики и мировой экономики вызовет новые обвинения в скрытых гегемонистских настроениях, КНР предпочитает занимать по возможности нейтральную позицию, создавая имидж страны, занятой экономическим строительством и не претендующей на статус сверхдержавы. Бесспорно, такая позиция позволяет избежать лишних подозрений со стороны других крупных держав, сосредоточиться на внутреннем реформировании без отвлечения ресурсов на посторонние дела.

Наконец, кратко охарактеризуем информационный потенциал Китая. На сегодняшний день он остается весьма скромным — страна занята внутренними реформами, глобальная же информационная экспансия вряд ли способна помочь ей в этом. Соответственно, у Китая нет четкой информационной политики, как и той идеологической программы, которую с ее помощью можно было бы продвигать. Китайские телевизионные каналы, печатные издания и сетевые информационные порталы, предназначенные для международной аудитории, занимаются идеологически окрашенным освещением различных событий в стране и мире, созданием позитивного имиджа КНР за рубежом. Ограниченность этих целей определяет и незначительный вес Китая в мировом информационном пространстве.

Подведем итоги. Обладая весьма эффективной экономической моделью, мощным культурным влиянием, большим весом в международных организациях, а также широкими возможностями в информационной сфере, Соединенные Штаты вполне могут быть названы современной империей. В отношении Китая можно сказать, что у него нет ярко выраженного стремления к экспансионизму и необходимых для этого ресурсов. Китай — не современная империя, а лишь мощная держава, сознающая сегодняшний мир, но психологически еще не готовая к тому, чтобы претендовать на лидерство в нем. Идя по пути реформ, увеличивая внутренний потенциал, Китай повысит и уровень политических притязаний. При этом, будем надеяться, КНР сохранит верность идеалам «мирного развития» и будет использовать растущие возможности не для ревизии существующего глобального порядка, а для его постепенного реформирования — при активном участии других влиятельных держав.

После всего сказанного закономерным взглядит вопрос о возможных сценариях развития американо-китайских отношений. Для ответа на

него необходимо кратко охарактеризовать взгляды обеих держав друг на друга. Позиция Китая, как известно, сводится к неприятию однополярного мира и гегемонии США. Это вовсе не означает, что Пекин не готов к плодотворному сотрудничеству. Наоборот, он активно взаимодействует с Соединенными Штатами по широкому кругу проблем. Тем не менее, данное сотрудничество может стать более эффективным при отсутствии взаимных обвинений и политически окрашенных демаршей. При наличии здорового прагматизма и сдержанности в оценках ситуации с правами человека в КНР (со стороны Вашингтона), а также при отказе от критики курса Соединенных Штатов на международной арене (со стороны Пекина) американо-китайский альянс с целью решения глобальных проблем достигим. Углублению американо-китайского сотрудничества может поспособствовать также эволюция взглядов американского общества на Китай. К этому подталкивают экономические доводы и соображения политического характера [24, p. 8–9].

Открытым остается вопрос о формах такого взаимодействия. Одни исследователи предлагают создать «Большую двойку» — прагматический союз двух держав, цель которого состоит в решении основных международных проблем [21]. Другие выступают за свободное от институциональных оков сотрудничество [29]. Так или иначе, основы для действительно плодотворного взаимодействия между Соединенными Штатами и Китаем созданы. Начало же второго десятилетия XXI в., когда у власти в США будет находиться администрация Б. Обамы, а Китай продолжит интеграцию в глобальную финансово-экономическую систему, может стать важным этапом в двусторонних отношениях, которому будет присуще стремление к более полному раскрытию накопленного потенциала сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вашингтонская декларация [Электронный ресурс] // NATO. 1999. Режим доступа: <<http://www.nato.int/docu/other/ru/1999/p99-063r.htm>>. Дата доступа: 18.01.2009.
2. Витковский, С. Японо-китайское соперничество в странах «третьего мира» на современном этапе / С. Витковский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2008. № 4. С. 64–69.
3. Головачев, В. «Подъем Китая»: значение для глобальной и региональной стабильности / В. Головачев // Восток (Oriens). 2007. № 2. С. 142–146.
4. Гребенщиков, Э. США — АСЕАН: новые испытания и грани сотрудничества / Э. Гребенщиков // США, Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 4. С. 50–68.
5. Давыдов, М. Китай в современной внешнеполитической стратегии США / М. Давыдов // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 3. С. 44–60.
6. Дракон смотрит на Запад: Китай и Шанхайская организация сотрудничества [Электронный ресурс] // Analitika.org. Режим доступа: <<http://www.analitika.org/article.php?story=20060929221726486>>. Дата доступа: 16.01.2009.
7. Лебедева, Э. Активизация КНР и ЕС в Африке / Э. Лебедева // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10. С. 93–101.
8. Лю, Ц. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства / Ц. Лю // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 33–42.
9. Подолько, Е. 17-й съезд КПК: укрепление власти и кадровые перестановки / Е. Подолько [Электронный ресурс] // Политический журнал. Режим доступа: <<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=7472&issue=205>>. Дата доступа: 27.12.2008.
10. Расширение торгово-экономических связей между КНР и членами АТЭС // Жэньминь Жибао [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/200210/25/rus20021025_67286.html>. Дата доступа: 19.02.2009.
11. Розанов, А. Военная политика США в начале XXI века / А. Розанов. Минск: БелФранс, 2006.
12. Справка: Форум по китайско-африканскому сотрудничеству // Газета «Жэньминь Жибао» он-лайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/31521/4987837.html>>. Дата доступа: 15.01.2009.
13. Степанова, Е. Россия и антикризисная стратегия НАТО после окончания «холодной войны» / Е. Степанова // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/36471.htm>>. Дата доступа: 19.01.2009.
14. Труш, С. США — КНР: борьба за лидерство / С. Труш // США, Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 12. С. 25–38.

15. Чжай, К. 1991–2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН – исторический обзор и стратегия на будущее / К. Чжай // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 32–61.
16. Шаклейна, Т. Внешнеполитические дискуссии в США: поиски глобальной стратегии / Т. Шаклейна // США, Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 10. С. 3–15.
17. Шаклейна, Т. Новый «крестовый поход» республиканцев: как появилась доктрина Буша / Т. Шаклейна [Электронный ресурс] // Международные процессы. Режим доступа: <<http://www.intertrends.ru/three/017.htm>>. Дата доступа: 18.01.2009.
18. About APEC [Electronic resource] // Asia-Pacific Economic Cooperation. Mode of access: <http://www.apec.org/apec/about_apec.html>. Date of access: 23.01.2009.
19. Bari, D. Le monde vu de Pekin / D. Bari // L'Atlas du Monde Diplomatique. Paris, 2006. P. 202–203.
20. Belkaid, A. Incertitudes du systeme economique chinois / A. Belkaid // Ibid. P. 196–197.
21. Bergsten, F. A Partnership of Equals / F. Bergsten [Electronic resource] // Foreign Affairs. Mode of access: <<http://www.foreignaffairs.org/20080701faessay87404/c-fred-bergsten/a-partnership-of-equals.html>>. Date of access: 16.01.2009.
22. Fukuyama, F. The End of History? / F. Fukuyama [Electronic resource] // Wes Jones. Mode of access: <<http://www.wesjones.com/eoh.htm>>. Date of access: 29.12.2008.
23. Funabashi, Y. Keeping Up With Asia / Y. Funabashi // Foreign Affairs. 2008. N 5. P. 110–126.
24. Holbrook, R. The Next President / R. Holbrook // Ibid. 2008. N 5. P. 2–24.
25. Huntington, S. The Clash of Civilizations? / S. Huntington [Electronic resource] // The Clash of Civilizations. Mode of access: <<http://www.wesjones.com/eoh.htm>>. Date of access: 29.12.2008.
26. Kagan, R. Still No. 1 / R. Kagan [Electronic resource] // The Washington Post. Mode of access: <<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/10/29/AR2008102903202.html>>. Date of access: 14.01.2009.
27. Kagan, R. The September 12 Paradigm / R. Kagan // Foreign Affairs. 2008. N 5. P. 25–39.
28. Nye, J. The Fear Factor in US – China Relations / J. Nye [Electronic resource] // Project Syndicate. Mode of access: <<http://www.project-syndicate.org/commentary/nye53>>. Date of access: 17.01.2009.
29. Shah, A. Media in the United States / A. Shah [Electronic resource] // Media in the United States – Global Issues. Mode of access: <<http://www.globalissues.org/article/163/media-in-the-united-states#Uninformedpopulationmeansharmfulforeignpoliciescangounaccountable>>. Date of access: 20.01.2009.
30. Zakaria, F. China... Appease Or Contain? / F. Zakaria [Electronic resource] // FareedZakaria.com. Mode of access: <<http://www.fareedzakaria.com/articles/nyt/021896.html>>. Date of access: 13.01.2009.
31. Zakaria, F. The Future of American Power / F. Zakaria [Electronic resource] // Foreign Affairs. Mode of access: <<http://www.foreignaffairs.org/20080501facomment87303/fareed-zakaria/the-future-of-american-power.html>>. Date of access: 14.01.2009.

«Мировая политика в начале XXI в.: позиции США и КНР» (Святослав Витковский)

Длительное время термин «империя» вызывал негативные коннотации, что можно связать с репрессивным характером классических империй и наследием «холодной войны», в ходе которой противоборствовавшие стороны использовали данное понятие в редуцированном виде и лишь для взаимной критики. В наши дни интерес к феномену империи возрастает, что связано, в первую очередь, с поиском оснований для новой системы международных отношений и стремлением преодолеть хаотичность постбиполярного мира. В статье автор рассматривает типологические черты современных империй и пытается соотнести с ними два наиболее влиятельных государства мира – США и КНР. Разумеется, в рамках одной публикации выполнить столь сложную и многогранную задачу просто невозможно, поэтому представлен лишь общий взгляд на проблему.

«Global Politics at the Beginning of the XXI century: the USA and China Positions» (Svyatoslav Vitkovsky)

For many years the term «empire» has had negative connotations because of the repressive nature of classic empires and the intellectual heritage of the Cold War which reduced this notion and made it an instrument of ideological struggle. At the beginning of the XXI century the interest in this phenomenon has quickened, which is linked to the search for basic principles of a new global order. Besides, an empire is seen by many analysts as a remedy against chaotic nature of the post-bipolar world. The article touches upon typological features of modern empires, and brings the most powerful modern states (the USA and China) into correlation with them. Of course, such a complex problem can not be examined in detail in a short article which only presents a general overview of the issue.